
Е. Л. Конявская

О «ГРАНИЦАХ» ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ЛЕТОПИСИ: ПИСАТЕЛЬ И ЧИТАТЕЛЬ)

Под «литературой», как правило, подразумевается «изящная словесность», или шире — искусство слова. В одной из последних работ по теории литературы — коллективном труде «Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины» дается определение понятия «художественная литература»: «Художественная литература, — пишет проф. Л. В. Чернец, — это множество литературных произведений, каждое из которых представляет собой самостоятельное целое. Литературное произведение, существующее как законченный *текст*, написанный на том или ином языке (...), — результат творчества («производства») писателя»¹.

Очевидно, что можно говорить о специфичности древнерусской литературы по отношению буквально к каждому слову. Является ли *самостоятельным целым* патериковая новелла, летописная статья, «чудо» из жития? Является ли *законченным* текст древнерусского словесного произведения, если его дописывали, переделывали, создавая новые версии и редакции? И в этом же смысле является ли такой текст результатом творчества *одного писателя*?

Существует научная традиция, предполагающая анализ произведений древнерусской литературы с позиций классического литературоведения, т. е. в понятиях и терминах теории литературы, разработанных на материале литературы Нового времени. Этот подход при всей его резонантности, как правило, не дает ценных результатов. Если такие понятия, как «мотив», «метафора», «аллегория», «композиция», с определенными поправками к древнерусскому словесному тексту применимы, то все гораздо проблематичнее относительно таких категорий, как «психологизм», «образ героя», «система образов», «фантастика» (даже «сюжет», ибо в средневековой литературе он не формируется, а берется из реальной жизни).

Обязательным компонентом художественного произведения является *вымысел*. Установка же древнерусского писателя была противоположной. Хотя он и домысливал то, чего точно не знал (но предполагал, как было или должно было быть), но осознанной и декларируемой задачей его было следовать фактам, писать о том, что было. Наряду с прямыми высказываниями это стремление проявлялось в скрупулезном перечислении источников сведений или свидетельствовании автора как «самовидца». Таким образом, в целом древнерусский автор считал задачей книги — *сохранить достойное памяти, следуя фактам*.

Не вызывает сомнения и то, что древнерусский книжник, ментальность которого сформирована в рамках традиционалистского типа художественного сознания, ориентирован на написание «как принято», а не на самовыражение и создание принципиально нового.

Это далеко не все черты средневекового словесного творчества, отличающие его от литературного творчества зрелой античности и Нового времени. Медиєвистика второй половины XX в. выработывала новый подход к изучению древнерусской литературы — как феномена особого, выделяя в ней специфику литературы традиционалистского типа, явления синкретического и т. д. В результате представление об «особости» древнерусской литературы настолько укоренилось в сознании, что возникла опасность абсолютизации этой особости. Так, некоторые новые теории отказывают древнерусской литературе в статусе собственно литературы, предлагая называть ее «письменностью»².

Называть древнерусскую книжность письменностью — это, конечно, крайность, но основания для постановки проблемы, безусловно, есть. Дело не только в том, что, с точки зрения самых общих

---

¹ Чернец Л. В. Литературное произведение как художественное единство // Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины М., 1999. С. 153.

² См.: Буланин Д. М. Древняя Русь // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Проза. СПб., 1995. Т. 5. С. 17. С. 18.

позиций, произведение писалось не «для красоты», а «для пользы», еще и каждый тип произведения (примерно то, что мы называем «жанрами») имел свою утилитарную функцию. Литература же — это чтение для чтения, совершенно бескорыстное. Очевидно, конечно, что сочинения средневековой словесности в отношении степени этой утилитарности неравнозначны. Проложное житие полагалось читать в храме, минейное — во время монастырской трапезы. Но распространенность житийных сборников говорит о том, что их читали просто «для души», примерно так, как сейчас читают художественную литературу. Так, по-видимому, читались патерики, палеи, «Пчела», «Физиолог» и т. п. Хотя не зафиксировано раннего бытования таких книг, как «Златая чепь» и «Измарагд», существование «Изборников» 1073 и 1076 г., «Златоструя» свидетельствует о том, что четьи сборники появились на Руси очень рано.

Гораздо реже, но все же высказываются суждения, обратные упомянутым выше — трактующие понятие *литературы* по отношению к литературе древнерусской расширительно. Так М. В. Строганов к литературе причисляет «грамоты царей и митрополитов, деловые документы князей и монастырских архимандритов» — на основании того, что «сама редкость навыков письма в то время делала в принципе любое обращение к письму уже фактом эстетическим»³. Думается, логики в этом утверждении немного: прямой связи между грамотностью и способностью создавать эстетически значимое нет. И тем более ее не было в средневековой Руси, книжники которой не ставили перед собой чисто эстетических задач. Характерно, что это осознается и самим М. В. Строгановым. Ниже он пишет, что применительно к древнерусской литературе нельзя говорить «о свободной игре воображения в творчестве, о независимости в творчестве от потребностей современной жизни...». Тем не менее, делается парадоксальный вывод о необходимости «рассматривать все явления древнерусской письменности в едином ряду», из чего следует (видимо, в субъективном видении исследователей) их «деутилизация» (!?) и «эстетизация»⁴. Однако исследовательский подход должен базироваться не на субъективном впечатлении, а на конкретном анализе феномена в контексте исторической и культурной среды эпохи, его породившей. Критерии и категории, с помощью которых оцениваются явления словесности, должны быть максимально адекватны их природе.

О каких же критериях отнесения к «литературе» того или иного типа словесных произведений Древней Руси может идти речь?

Как уже говорилось, на сегодняшний день представления о различиях между литературой Новой и Средневековой в науке сформировались. Но литература едина как феномен художественной культуры, как искусство слова. Соответственно, должны существовать некие неизблемые категории, объединяющие литературный процесс. Для построения всеобъемлющей теории литературного процесса необходимо вычленив такие категории, которые присущи искусству слова по самой природе этого феномена, и проследить их особенности на всех этапах развития общества.

Очевидно, что такими общими понятиями, актуальными для литературы на любом этапе ее развития, являются писатель и читатель. *Писатель*, создавая словесное произведение, как правило, имеет какое-то суждение и о себе, и о своем труде. *Читатель* формирует свой «круг чтения», на него как на предполагаемого адресата ориентируется писатель. Так, в Древней Руси по мере умножения и распространения книг можно делать выводы о том, как и кем они читались — по количеству списков, по владельческим записям, по маргинальным пометам.

Учет двух сторон культурного сознания эпохи может помочь построить адекватную систему литературы того или иного периода.

Для того, чтобы понять, что «Русская Правда» или «Судебники» не принадлежат к художественной литературе, едва ли нужно проводить специальные исследования их

---

³ См.: Строганов М. В. О целях и задачах этой книги // Литература Тверского края в контексте древней культуры: Сборник статей и публикаций. Тверь, 2002. С. 10.

⁴ Там же.

бытования. Что же касается таких пограничных и сложносоставных текстов, как летописи, то тут необходим целенаправленный анализ.

Проблема эта неоднократно обсуждалась в науке: летопись то оказывалась в рамках литературы, то за ее границами⁵. Получению однозначного и объективного ответа на вопрос, является ли летописный текст фактом литературы, препятствует, в первую очередь, жанровая и стилевая неоднородность феномена. Поэтому и нужно попытаться подойти к этому феномену с иных позиций — определения адресата и создателя летописи.

Количество списков одной летописи порой доходит до полутора десятков. Хотя это немало, но не идет в сравнение с количеством списков распространенных четких сборников или наиболее популярных житий, которые могут исчисляться многими десятками и даже сотнями.

Интересно рассмотреть встречающиеся в летописях тексты, которые свидетельствуют о том, кем и с каких позиций летописи читались, какого рода утилитарную функцию могли они нести.

Показателен текст авторского отступления в рассказе о нашествии Едигея (1408 г.), сохранившийся в Рогожском летописце, Симеоновской и Никоновской летописях. Подробно рассказав о бедствиях, от которых не смогли защитить людей русские князья, летописец ищет оправдания тому, что в его высказываниях звучат нелицеприятные оценки событий и действий князей, сравнивая себя с древним «начальным летописцем Киевским», который писал историю «не обинуясь», т. е. беспристрастно, а затем Сильвестром Выдубицким, писавшим летопись при Владимире Мономахе, «не украшаа». Характерно, что автор здесь напрямую обращается к адресату: «мы бо не дасажающе, не завидяще чести вашей и таковая вчинихомъ», а затем призывает обратиться к вышеупомянутым древним летописям, предлагая читать их перед сном («почеть почиши»⁶).

Очевидно, что адресат этот — князья, именно об их «чести» мог говорить автор. Вспоминая о древних летописцах, он вспоминает и о прежних князьях-заказчиках, инициаторах летописания: «первые наши властодержци безъ гнѣва повелѣвающе вся добрая и не добрая прилучившаяся написовати». Как можно видеть, автор утверждает объективность как принцип летописания, также опираясь на авторитет древних летописцев. Тут же говорится и о цели писания: «да и прочимъ по нихъ образы явлени будутъ»⁷. Таким образом, читатель и писатель выступают здесь симметричной парой, которой отыскиваются образцы в прошлом (такие же неразрывные пары), ибо летописец не только рекомендует читать князю перед сном о давних событиях, но и сам называет себя «учащимся» у предшественников.

О том, что летописи читались и исторические примеры были опорой при принятии различных решений, говорят исторические реминисценции, встречающиеся в летописных текстах и публицистических сочинениях. Так, в «Послании на Угру» архиепископ Ростовский Вассиан вспоминает князей X—XI в. Игоря, Святослава и Владимира, которые не только обороняли Русь от иноплеменников, но и «иных стран(ы) приимаху под себе»⁸, получали дань даже с Византии; Владимира Мономаха, бившегося с половцами. Наконец, дважды он напоминает о «прародителе» Ивана III — Дмитрии Донском, который не только решил на битву с Мамаем, но и захотел биться на переднем крае⁹. Под тем же 1480 г., под которым в ряде летописей содержится Послание

⁵ Обзор истории вопроса см.: *Творогов О. В.* Сюжетное повествование в летописях XI—XIII вв. // *Истоки русской беллетристики.* Л., 1970. С. 31—35.

⁶ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 185. В Никоновской: «да аще хоцещи, прочти тамо прилѣжно, да почеть почиши» (ПСРЛ. Т. XI. СПб., 1897. С. 211)

⁷ Там же.

⁸ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. М., 2001. Стб. 299.

⁹ Как показано В. А. Кучкиным, Вассиан приводит дословную цитату из Пространной летописной повести о Куликовской битве о «плотном диаволе Мамае» (ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. С. 464; Т. IV. Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915. С. 319; Т. XXIV. Пг., 1921. С. 146; Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 293), напоминает об ангельской помощи русским воинам, что так же он мог почерпнуть из доступных ему (равно как и составляющихся при его участии) летописей: эти слова содержатся в Софийской I, Новгородской VI, Московском своде конца XV в., Ермолинской, Типографской и Уваровской летописи 1518 г. (см.: *Кучкин В. А.* Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // *Церковь, общество и государство в феодальной России.* М., 1990. С. 109—110, 124).

Вассиана, в рассказе о стоянии на Угре к историческим реминисценциям прибегают бояре, не желавшие воевать с татарами. Они вспоминают поражение Василия Васильевича под Суздаlem в 1445 г., когда великий князь оказался в плену, бегство Дмитрия Ивановича в Кострому от Тохтамыша в 1382 г. По всей вероятности, эти события были известны боярам из летописей.

Близкий к этому случай — статья под 1147 г., содержащая рассказ об убийстве Игоря Ольговича киевлянами. Текст этот читается в ранней Ипатьевской летописи и Московском своде конца XV в.¹⁰ В рассказе один из киевлян, убеждая остальных, что Игоря Ольговича нужно убить, вспоминает киевское восстание 1068 г., когда полоцкий князь Всеслав Брючславич был освобожден из поруба и поставлен киевским князем: «Первое **ѡ** семь промыслимы, — говорит подстрекатель, — акоже и преж створиша. при Изаславѣ Ярославичѣ высѣкше Всеслава ис поруба злии **ѡ**ни. и поставиши **кнзѧ** собѣ. и много зла быс про то градуу нашем. а се Игорь воровѣ наиго **кнзѧ** и наи не в порубѣ но въ стѣмъ Федорѣ а оубивше того к Черниговоу поидем по своемъ **кнзи** кончаимы же **сѧ** с ними»¹¹. Высказывались предположения, что существовали фольклорные произведения о Всеславе (якобы отразившиеся в «Слове о Полку Игореве»). Но даже если считать метафоричный текст «Слова» отголоском каких-то былин или песен, о случившемся позже «эле» киевлянам, приведшим Всеслава к киевскому столу, там не упоминается. Об этих последствиях, однако, говорится в следующей статье ПВЛ — под 1069 г. — в рассказе о казнях, которые учинил в Киеве Мстислав Изяславич. Летописец XII в. проводит эту историческую реминисценцию не от своего лица, а рассказывает об аргументации участника событий 1147 г., который, как было показано, вероятнее всего, мог знать подробности вокняжения Всеслава и о его последствиях в Киеве из летописи.

Есть примеры, когда летописные тексты служили не только для усвоения и использования исторического опыта, но и воспринимались как официальные свидетельства, к которым можно апеллировать в вопросах правовых. Статья 1432 г. в Московском своде конца XV в. и Сокращенных сводах 1493 и 1495 г. говорит о том, что в споре за великое княжение с Василием Васильевичем Юрий Дмитриевич привлекал «летописци»¹².

Из летописей можно было извлечь прецедентные материалы, касающиеся старшинства в княжеском роде, наследования и т. д. По-видимому, таким целям служили встречающиеся в сборниках XVI — XVII в. выписки из летописей или краткие летописцы, в которых особое внимание уделялось рождению, смерти, вокняжению, битвам, исход которых менял политическую картину в целом или владения того или иного князя. Показательна в этом смысле летописная подборка из сборника второй половины XVI в. РНБ. Погод. № 1596. Выписки из разных летописей чередуются здесь с родословцами, а колонтитулы сообщают цель и определяют характер этих выписок: «Выпис из лѣтописца руског(о) вкратцѣ дла памѧти себѣ» (Л. 189 об. — 193), и далее: «Вынѧто из руског(о) из лѣтописца ис полного о кнзех великих русских написах себе дла памѧти» (Л. 193 об. — 199).

Таким образом, адресат летописей ограничен: это князья и высшая знать. Читались и воспринимались летописные тексты примерно так, как современные исторические произведения: знать прошлое необходимо, чтобы учитывать его уроки и верно понимать происходящее сегодня. Реже использовались летописи в более узких целях — в частности, при династических спорах.

Разумеется, нельзя исключать из читателей летописей духовенство, но его нельзя назвать и адресатом летописей. Люди духовного звания были читателями постольку, поскольку были *писателями* этих летописей, ибо даже когда летописание велось при княжеском дворе, непосредственным исполнителем княжеского заказа были представители духовенства.

¹⁰ В МС сохранились отсутствующие в Ипатьевской летописи подробности. Здесь отразился тот же Киевский свод 1198 г., что и в Ипатьевской, и, стало быть, можно утверждать, что рассматриваемое повествование читалось в этом своде.

¹¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 349.

¹² ПСРЛ. М.; Л. 1949. Т. XXV. С. 249.

Подтверждением того, что летописи читались (так же, как и писались!) в монастырях, можно считать слова одного из авторов Киево-Печерского патерика инок Поликарпа. Говоря о назначении своего труда, Поликарп вспоминает «Летописец» Нестора: «да сущим по нас ползы ради оставим, якоже блаженный Нестер в Лѣтописци написа о блаженных отцихъ...»¹³. Очевидно, что летопись использовалась и в других повествованиях патерика — в первую очередь, в Сказании о церкви Печерской, которое начинается с воспоминания о битве при Листвене: «Бысть въ земли Варяжской князь Африкыан, брат Якуна Слѣпаго, иже отбѣже от златыа руды, бияся полком по Ярославѣ съ лютым Мѣстиславом»¹⁴, изобилует датами и даже типично летописными формулами «Въ лѣто...».

Другим примером использования летописи в агиографическом произведении может служить «Житие Михаила Ярославича Тверского», написанное игуменом Александром. Как показано В. А. Кучкиным, в нем обнаруживается целый ряд летописных цитат¹⁵. Об использовании летописных текстов и воинских формул в «Житии Александра Невского» писал В. И. Мансикка¹⁶.

Определяя природу летописи как произведения словесности, надо иметь в виду, что многое из того, что делает их замечательными произведениями литературы в нашем восприятии: живость языка, динамизм переходов от предмета к предмету, непосредственность и органичность интонации, воспринимающиеся как безусловные художественные достоинства текста, для эстетического сознания рассматриваемой эпохи не могло быть критерием «литературности». Вместе с тем в летописях встречаются оригинальные образы, используются тропы, риторические отступления. Это не могло делаться неосознанно. Кроме того, в летописные своды включались большие сюжетные произведения — жития, повести, пространные некрологи, отличающиеся порой изысканным стилем и яркой эмоциональностью. Сам факт, что наличие в летописных текстах таких произведений было не исключением, а скорее, нормой, заставляет усомниться в том, что летопись однозначно воспринималась как «нелитература». По-видимому, можно говорить о некоей «пограничности» летописи, давшей направление развития в дальнейшем таким различным феноменам, как исторический трактат и исторический роман.

¹³ Древнерусские патерики. М., 1999. С. 42.

¹⁴ Там же. С. 7. Ср.: Якунь ту ѿбѣже луды златоѣ (ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 148).

¹⁵ См.: Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. М., 1974. С. 241–243.

¹⁶ См. Мансикка В. Житие Александра Невского // Памятники древней письменности и искусства. Т. CLXXX. 1913. С. 16, 35–38.

